

В.В. Стомин**V. Stomin**

ОБРАЗ БУДУЩЕГО МОСКВЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

THE IMAGE OF MOSCOW'S FUTURE THROUGH THE PRISM OF STUDENT IDEAS

Аннотация

Сформулированы нормативные характеристики молодежной политики – гибкость, адаптивность, системность и последовательность и обоснована значимость изучения ценностей молодежи для повышения эффективности инструментария молодежной политики. Анализируется научный дискурс по данному направлению и обозначаются такие значимые ценностные установки российской молодежи, как ожидание от государства создания возможностей для самореализации и повышения социально-экономического положения и формирования действенных механизмов вертикальной мобильности; критическое отношение к политическому процессу и высокий уровень требований к власти; рост экологической осведомленности и значимости экологической идентичности; интерес к добровольческой и волонтерской деятельности; запрос на ценности равенства, справедливости и доверия, рациональность убеждений, полноту и достоверность информации, совместную выработку решений.

Цель исследования – выявление ценностных характеристик восприятия Москвы настоящего и желаемого образа ее будущего среди студенческой молодежи города Москвы с активной гражданской позицией. Главные методы исследования – социологический (опрос активных участников проекта Правительства Москвы в сфере молодежного парламентаризма «Студенческие парламентские клубы») и контент-анализ материалов интервью.

Автор приходит к выводу о преобладании в ответах информантов пяти линий нарративов: 1) тесная связь будущего столицы с будущим России; 2) оценка столицы как

Abstract

The author articulates the normative characteristics of youth policy – flexibility, adaptability, a systemic nature, and consistency – and substantiates the importance of studying youth values to enhance the effectiveness of youth policy instruments. The analysis covers the relevant academic discourse and identifies significant value orientations among Russian youth. These include: expecting the state to create opportunities for self-realization, improve socio-economic standing, and establish effective mechanisms for vertical mobility; maintaining a critical stance towards the political process and holding high expectations of authorities; exhibiting growing environmental awareness and the increasing importance of ecological identity; demonstrating interest in volunteerism; and demanding values such as equality, justice, and trust, rational beliefs, complete and reliable information, and collaborative decision-making.

Research aim: the study aims to identify the value-based perceptions of present-day Moscow and the desired image of its future among civically active student youth in the city.

Primary research methods: the research utilizes a sociological survey targeting active participants in the Moscow Government's youth parliamentarism project, "Student Parliamentary Clubs," complemented by content analysis of interview materials from these participants.

Findings: the author concludes that five dominant narrative themes prevail in the informants' responses: 1) a perceived strong connection between the capital's

города, комфортного для жизни – прежде всего для карьеры и профессионального развития, затем его социальной сферы; 3) призыв к личной ответственности за развитие своего города и страны, ответственной гражданской позиции; 4) подчеркивание значимости развития Россией собственных высоких технологий и сильной промышленности как фактора успеха; 5) значимость развития Москвы как экологически чистого города. На основании этих нарративов представлены предложения по адаптации инструментов молодежной политики города Москвы к социокультурным запросам молодежи.

future and the future trajectory of Russia; 2) an assessment of the capital as a city conducive to living well, primarily valued for career and professional development opportunities, followed by its social infrastructure and environment; 3) an emphasis on personal responsibility for the development of one's city and country, advocating for a responsible civic stance; 4) underscoring the significance of Russia developing indigenous advanced technologies and a strong industrial base as crucial factors for national success; 5) highlighting the importance of developing Moscow as an ecologically sustainable and environmentally friendly city. Conclusion: based on these identified narratives, the author presents recommendations for adapting Moscow's youth policy instruments to better align with the socio-cultural expectations and values of the city's youth.

Ключевые слова:

молодежная политика, система ценностей, образ будущего, мегаполис, Москва.

Key words:

youth policy, value system, image of the future, metropolis, Moscow.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-72-97>

Важнейшей задачей молодежной политики выступает ответ на действительный запрос этой социальной группы через формирование качественных институтов и действенных механизмов, способных удовлетворить такой запрос, одновременно обеспечивая соблюдение интересов государства. Весьма точно эту сущностную составляющую молодежной политики сформулировала социолог Т. Лиханова: «Главной опорой и двигателем перемен может стать молодежь, чувствующая ответственность за судьбу страны, общества, солидарность, воспринимая проблемы общества как общее дело. Важны готовность и желание молодежи быть активными субъектами социально-политической, экономической, духовной жизни общества, ее вовлеченность в коллективные процессы, готовность принимать участие в совместном конструировании действительности» (Лиханова, 2024, с. 40). Корректная молодежная политика не может быть «флюгером» зачастую слишком быстро меняющихся настроений молодого поколения, но обязана динамично реагировать на его социокультурные установки; аналогичным образом, она не должна быть подвержена сиюминутной политической конъюнктуре или напротив, упорно транслировать уже ригидные подходы и паттерны. Таким образом, к числу системообразующих нормативных

характеристик молодежной политики полагаем возможным отнести гибкость и адаптивность, а также системность и последовательность.

В России молодежная политика за последние два десятилетия прошла целый ряд трансформаций, и только в последние годы приближается к данным нормативным характеристикам. Как отмечал А. Зеленин, характеризуя прошлые периоды ее развития, «Низкая эффективность, а нередко и просто профанация молодежной политики не только дискредитируют ее основные принципы и идеи правового, демократического государства в целом, но и причиняют прямой ущерб федеральному и региональному бюджетам» (Зеленин, 2012, с. 87). На сегодня можно утверждать, что ситуация претерпела принципиальные изменения: молодежная политика приобрела более системный и инклюзивный характер, целый ряд положений и подходов к ее реализации был унифицирован в рамках федерального проекта «Молодежь России» и целевых программ; соответственно, трансформировались региональное и городское измерения молодежной политики.

В современном научном дискурсе тематика ценностных ориентаций молодежи занимает одно из центральных мест. За последние годы опубликовано множество примечательных работ, в основном базирующихся на результатах социологических опросов с различной выборкой (от локальной до национальной), которые призваны выявить ценностные установки молодых россиян по широкому кругу вопросов. Остановимся на тех из них, которые охватывают такие значимые для настоящей работы категории, как образ будущего, идентичность, социокультурные установки и ожидания.

Образу будущего в массовом сознании российской молодежи 18-30 лет посвящено весьма примечательное исследование А. Токарева (Токарев, 2024), осуществленное на материале фокус-групп в 25 регионах страны. Автор приходит к ряду ценных выводов: в частности, о том, что существует «ярко выраженный запрос на участие государства в социальной жизни и производстве общественных благ» и «высокий уровень доверия государственным институтам даже в тех случаях, когда выражается явное неудовольствие отдельными решениями власти» (Токарев, 2024, с. 166). Эти выводы позволяют заключить, что несмотря на неготовность значительной части молодежи играть активную роль в политике, в основной своей массе ее представители «держат руку на пульсе» общественно-политической жизни, но на данном этапе прежде всего ожидают от государства создания возможностей для их самореализации, формирования действенных механизмов вертикальной мобильности, и в целом доверяют властным институтам. Таким образом, настроения молодежи, ценностная картина ее мировоззрения отличаются амбивалентностью.

Прежде всего от властей ожидают содействия в улучшении социально-экономического положения: «В наибольшей степени молодежь страдает от низких доходов (52,4%), следует здесь же назвать невозможность улучшить жилищные условия (35,2%)» (Великая, Дорошина, 2022, с. 34), в том числе путем возвращения «двух советских социально-экономических практик (распределение на работу после вуза и обеспечение молодых квартирами от государства)» (Токарев, 2024, с. 166). Причем, чем выше благосостояние молодого россиянина, тем в большей степени он склонен поддерживать политику страны и положительно оценивать социально-экономическую ситуацию: так, «доля студенческой молодежи, поддерживающей продолжение СВО до выполнения заявленных целей, составляет 43,9% в группе с высокой самооценкой материального благополучия, треть (33%) среднеобеспеченных и только 14,5% в группе малообеспеченных участников (Устинкин, Никитина, 2024, с. 72). Таким образом, можно говорить о положительной корреляции благосостояния молодежи и ее патриотических настроений, и центральном месте социально-экономического положения молодых россиян в их системе ценностей. Другими словами, главным фокусом молодежной политики должно выступать повышение материального благополучия – именно оно является питательной почвой для усиления патриотических настроений, которые и так присущи молодым россиянам.

В зарубежной литературе по молодежной политике последних лет в качестве значимого фактора, определяющего психологический портрет современного поколения, обозначается тот факт, что его социализация пришлось на целый ряд кризисов (пандемия COVID-19, глобальный финансовый, политический и экономический кризис), а принятые правительствами стран ограничительные меры негативно сказались почти на всех аспектах и качестве жизни молодежи, от образования и трудоустройства до жилья, здравоохранения и досуга (Bessant, 2021). Интересам молодежи часто уделялось недостаточно внимания, а зачастую принимаемые меры можно было характеризовать и как «недружелюбные» по отношению к этой социальной группе: это сформировало у молодежи недоверие и скептицизм в отношении традиционных политических партий и в целом, к участию в политической жизни (Pickard, 2022, с. 6).

Проблематика содержания понятия «благополучие» в контексте целей молодежной политики рассматривается многими авторами. Материальная составляющая благополучия молодежи крайне важна, однако не является единственной – данное понятие включает в себя и целый ряд нематериальных аспектов, некоторые из которых могут казаться второстепенными, но на практике имеют большое значение для самих молодых горожан. На один из таких аспектов обращают внимание специалисты Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ: они опираются на концепцию онтологической безопасности молодежи

А. Данкерстена, которая стремится к комплексному пониманию молодежного благополучия, отдавая приоритет ценностям равенства, справедливости и доверия (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025, с. 86-87). Авторы демонстрируют, что большинство программ развития молодежи исходят из концепции «негативной безопасности» и нацелены прежде всего на устранение рисков; по их мнению, «такой подход упускает значимость благополучия для самой молодежи и не учитывает условия времени и контекста» (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025, с. 86-87). Исследователи приходят к выводу о том, что среди всего разнообразия моделей, которые применяются субъектами молодежной политики для решения вопросов благополучия молодежи в рассматриваемых регионах, наблюдается «отсутствие внимания к онтологической безопасности молодежи. Также всех их объединяет упущение внимания вовлеченных агентов к развитию инфраструктуры городов и мест, привлекательных молодежи». Другими словами, происходит тотальная коммерциализация пространств, которая сокращает возможности молодежи по получению качественного досуга: ей банально «не хватает бесплатных пространств» (там же: 98), а власти города понимают его комфортность для молодежи прежде всего в контексте обеспечения физического здоровья и утоления голода, при этом «о пространствах для жизни речи вовсе не идет» (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025, с. 86-87).

В нематериальной плоскости лежит и комплекс вопросов, связанных с мировосприятием, которые можно обобщить как психологические. Так, Наталия Великая и Анна Дорошина опираются на цивилизационный подход для описания особенностей политико-идеологической идентификации молодежи Москвы и Московской области и описывают преобладающую среди молодежи систему идентичностей как эклектичную, расколотую и противоречивую, что проявляется в «невнятном образе будущего, ведет к снижению чувства уверенности в завтрашнем дне, ограничивает возможности выстраивания адекватных жизненных стратегий» (Великая, Дорошина, 2022, с. 37). Термин «противоречивость» применительно к идентификационным установкам молодежи применяет и Н. Савченко, делая вывод о «стирании границ между различными видами идентичности, расширении зоны идентификации до глобальной» (Савченко, 2024, с. 169). Исследование Д. Будко и Г. Лукьяновой, основанное на фокус-группах со студентами СПбГУ, продемонстрировало схожие результаты: «молодежи в высшей степени свойственна не критичность, а скорее категоричность и противоречивость в собственных взглядах. Это выражается в многочисленных дихотомиях – одновременного сосуществования полярных друг другу явлений: патриотизм и идеализация Запада; либеральные ценности и идеалы социализма; идеализм и прагматизм в требованиях, предъявляемых к политическим лидерам; визуальные впечатления и реальное

положение дел» (Будко, Лукьянова, 2019, с. 190). Можно полагать, что фиксируемое в указанных исследованиях расширение границ идентичности связано с изначальной интегрированностью молодежи в глобальное коммуникативное пространство посредством цифровых платформ, что уже в детстве закладывает основу для восприятия себя как части всего мира, а не только своего города или страны (тенденция к усилению глобальной идентичности). Восприятие в этой связи сразу нескольких наборов ценностей обуславливает эклектичность и противоречивость такой идентичности.

Фиксируются заметные особенности в восприятии своей страны молодыми жителями мегаполиса, и особенно Москвы. Так, Е. Шестопал, Н. Смутькина и И. Морозикова, которые провели сравнительный анализ особенностей восприятия России молодежью в Москве, Смоленской области и в Республике Тыва – прежде всего таких элементов образа страны как территория, народ, власть, политические лидеры и геополитическая роль страны. Исследование показало, что жители Москвы отличаются наиболее критическим отношением к политическому процессу и высокой требовательностью к власти, в том числе федеральной, при этом также особо выделяется глобализированный характер идентичности москвичей: «столичный статус Москвы определяет склонность к своеобразной «приватизации федеральной власти», к более критичному к ней отношению (что обусловлено ощущением москвичами большей близости к ней). В Москве формируется специфичные запросы к политической элите (на ее большую открытость, готовность к диалогу с обществом и оппозицией), более позитивные оценки российской культуры, цивилизованности, включенности российских граждан в мировое сообщество» (Шестопал, Смутькина Морозикова, 2019, с. 92).

Говоря об эклектичности идентичности российской молодежи, следует упомянуть такой крайне значимый фактор как психологическое состояние этой категории населения. По данным мониторинга Института психологии РАН, в этом отношении молодые россияне являются одной из наиболее уязвимых групп. Т. Нестик, в частности, обращает внимание на то, что «ниже всего психологическое благополучие у молодежи 18–24 лет, респондентов из городов-миллионников и россиян с низким уровнем доходов», что связано в том числе с длительным переживанием трудноконтролируемых угроз. В качестве одного из возможных решений проблемы он рассматривает развитие готовности к диалогу: «Нужно поддерживать готовность делиться своими переживаниями с близкими и сопереживать другим. В старших классах школы необходимы курсы по переговорам и разрешению конфликтов»¹.

¹ Фурсова, Е. (2025). Между тревожностью и депрессией? Психологи и социологи об актуальных общественных настроениях и методах сохранения душевного здоровья.

Добавим, что в российском обществе, с одной стороны, сохраняется высокий дефицит межличностного доверия: его наложение на сложившуюся трудную для психики людей ситуацию оказывается опасным феноменом, который требует внимания со стороны как властей, так и общественных организаций. С другой стороны, как мы отмечали выше, молодежь доверяет государственным институтам и ожидает от них поддержки, высоким доверием молодых россиян пользуются также общественные организации и не крупный бизнес: так, по данным опроса студентов Нижнего Новгорода, проведенного осенью 2023 года, благотворительным организациям доверяют 91,6% респондентов – абсолютный максимум. На втором месте по уровню поддержки – малый и средний бизнес (88%) (Устинкин, Никитина 2024, с. 149). Суммируя вышесказанное, представляется, что указанные акторы (НКО, МСП) следует активно привлекать в качестве партнеров в рамках комплекса мероприятий молодежной политики, причем не только как соорганизаторов или исполнителей конкретных проектов, но в качестве субъектов процесса принятия решений, которые будут участвовать в совместном производстве знания о содержании молодежной политики. Наконец, применительно к обозначенной потребности общества в развитии диалога, важным видится создание благоприятных условий для НКО в создании пространств для коммуникации, а также реализации образовательных и других проектов, которые будут развивать у молодых горожан навыки участия в жизни города и совместной деятельности в этой сфере.

Здесь мы подходим к проблематике «права на город» и такого измерения молодежной политики, как содействие соучастию молодежи в развитии города. Целый ряд исследований молодежи в российских мегаполисах описывает ее как в целом достаточно инертную в том, что касается участия в жизни города в целом: «молодежь студенческая в основном пассивна. Если молодые люди и проявляют гражданскую активность, то в основном в тех видах деятельности, которые связаны с благотворительностью, волонтерством, праздниками» (Савченко, 2024, с. 169). Еще менее популярно участие в политических проектах: «публичный политический активизм остается уделом сравнительно небольшой группы молодых людей, которые, выбрав этот путь для ускоренного движения по карьерной лестнице, активно продвигают свой образ в социальных сетях» (Токарев, 2024, с. 159).

В других работах можно встретить более детальный подход к этой проблеме, который позволяет уточнить ее содержание. Так, результаты социологического исследования молодых жителей Екатеринбурга позволили выделить

две главных категории их жизненных планов – «с одной стороны, это ориентация на достижение профессионально-образовательного статуса, выраженная в поиске интересной и высокооплачиваемой работы и продолжении образования. С другой – это связь жизненных планов молодежи с формированием стартовых условий для обретения независимости и личностной успешности» (Антонова, Абрамова, Полякова 2020, с. 450-451). Приоритетность достижения этих личных целей «закономерно оттесняет общественно ориентированные задачи на менее значимые позиции: участие в политической и общественной жизни как неотъемлемую часть своей жизни рассматривают только 5-6% наших респондентов» (Антонова, Абрамова, Полякова 2020, с. 450-451).

По сути, если власти не создают для молодежи возможностей участвовать в жизни города, одновременно продвигаясь в достижении личных целей развития, молодые горожане предпочитают потратить свое время на те активности, которые послужат этим целям, а также будут соответствовать их жизненным ценностям, например таким, как осознанное потребление и отношение к экологии. Ученые фиксируют рост экологической осведомленности молодежи: «ценностными трендами и ориентирами развития для поколения Z является экологичность (забота о будущем, бережное отношением к природе), ориентация на прогресс в области развития искусства и науки» (Рогочая, 2024, с. 33), а также значимости экологической идентичности в системе мировосприятия молодежи, которую можно определить как «связь индивида/группы людей с природной средой, идентификацию себя как ее неотъемлемой части, что находит отражение... в индивидуальном и групповом поведении» (Хайнацкая, 2023, с. 342). В описанной ситуации для вовлечения молодежи в более широкий круг вопросов развития города центральное значение приобретает содержание городской политики: «создание условий совпадения личностных интересов молодых жителей и реализуемых в городе проектов позволяет расширить границы партисипации, сформировать новый опыт и потребности общественного участия» (Антонова, Абрамова, Полякова, 2020, с. 456).

Схожие наблюдения присутствуют и в работах зарубежных авторов. Так, коллектив исследователей из Бостонского университета на материале ряда кейсов работы молодежных городских советов приходят к выводу, что вовлечение молодежи в принятие решений положительно влияет как на индивидов, так на целые молодежные сообщества (Augsberger, Collins, Howard, 2024). Аналогичным образом, Дж. Слоам и М. Хенн на примере городов Великобритании демонстрируют, что «совместное производство» властями и молодежью города проектов в области окружающей среды наиболее перспективно, так как локальный уровень (в отличие от национального, создает намного больше возможностей для того, чтобы вскоре увидеть результаты этих проектов (Sloam, Henn, 2025).

Другим важным аспектом преодоления социальной апатии молодежи выступает уже упомянутая волонтерская и благотворительная деятельность, к которой, как мы отмечали выше, она демонстрирует явный интерес. Этому вопросу посвящены исследования таких авторов как А. Зеленин, М. Яницкий, А. Селезнева, И. Мирошниченко, И. Самаркина (Мартынова и др., 2019; Самаркина, Мирошниченко, Мальцев, 2022; Селезнева, 2020; Селезнева, Антонов, 2020). Нужно сказать, что сравнительные исследования молодежной политики в России и в европейских странах демонстрируют такие отличительные особенности последней, как «развитие добровольческой и волонтерской деятельности, стимулирование работы молодежных общественных организаций, которые выступают ключевым субъектом в молодежной среде», с минимальным участием государственной власти (Баронина, Зуляр 2019, с. 49), т.е. в целом ведущую роль в реализации молодежной политики в Европе играют именно добровольческие и волонтерские общественные организации. Учитывая рассмотренную специфику текущей ситуации в России, акцент на всяческой поддержке существующих НКО в этой сфере приобретает особую значимость как способ диверсификации каналов проявления общественной активности молодежи. Однако крайне важно минимизировать государственное вмешательство в их самобытные методы работы и в целом, адаптировать подход государства к работе с этими организациями и их специфике. Так, специалисты по проблематике НКО из НИУ ВШЭ Л. Якобсон и Н. Иванова показывают, что взаимодействие государства и третьего сектора в России могло бы быть значительно более эффективным, если бы первое, в числе прочего, полнее учитывало научное знание о слабых и сильных сторонах этого сектора, нарастило поддержку инициативных инноваций НКО и разработало «надежный механизм идентификации организаций с подлинно некоммерческой мотивацией» (Якобсон, Иванова 2025, с. 91, 94).

В исследованиях, посвященных изучению этических принципов, наиболее близких поколению Z, показано, что его представители в целом тяготеют к рациональным методам взаимодействия. Например, Е. Ганьшина приходит к выводу, что они в наибольшей степени ориентированы на рациональность управления и на совместную работу в ходе встреч, обсуждений, стратегических сессий, где приводятся аргументированные мнения за и против тех или иных изменений, и что у российского поколения Z существует потребность и, соответственно, запрос на: а) честный разговор, б) рациональность убеждения, в) полноту и достоверность информации, г) совместную выработку решений (Ганьшина, 2022, с. 277). Нужно полагать, что популярность указанных видов деятельности логичным образом отражает в целом более высокий уровень ответственного и осознанного отношения к окружающей среде и людям, свойственный «поколению Z».

Исследование посвящено проблематике выработки и реализации молодежной политики на уровне мегаполиса. Цель исследования – выявление ценностных характеристик восприятия Москвы настоящего и желаемого образа ее будущего среди студенческой молодежи города с активной гражданской позицией. Концептуально работа опирается на труды Т. Парсонса, который указывал на такие функции ценностей как представления «о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» (Парсонс, 1998, с. 17). Поскольку в задачи нашего исследования не входит полноценное картирование ценностных представлений молодежи по широкому спектру вопросов, мы акцентируем внимание на подчеркиваемом Парсонсом аспекте «принятия обязательств» и сосредоточимся на выявлении наличия в ответах информантов взаимосвязей между желаемым образом будущего и шагами по его достижению («обязательствами»). Исследовательскую гипотезу мы формулируем следующим образом: наши информанты, как горожане с активной общественной позицией, выстраивают модель желаемого будущего города сквозь призму своего личного участия в его формировании и готовы принять на себя обязательства по реализации этого процесса.

Объектом анализа выступает студенческая молодежь Москвы «поколения Z» согласно теории поколений Штрауса и Хау (Howe, Strauss, 2007), с 1996 года рождения, проживающая в мегаполисе и отличающаяся активной гражданской позицией – принимающая постоянное добровольное участие в работе Студенческих парламентских клубов Москвы (СПК). Проект является одним из центральных инструментов молодежной политики Правительства Москвы в области молодежного парламентаризма. Участники проекта обучаются искусству публичных выступлений, выступают в качестве волонтеров в общественно-политической сфере. За 2024 г. в рамках проекта состоялось более 300 мероприятий (деловых игр, мастер-классов, профориентационных сессий и др.). Главными форматами стали «Лига дебатов» и «Студенческие парламентские часы», в ходе которых проходили дискуссии, питчи (защиты) общественных инициатив, встречи и диалоги с общественно-политическими деятелями. Одним из центральных направлений работы СПК является организация и обеспечение отправки гуманитарной помощи российским военнослужащим, находящимся в зоне СВО, а также мирным жителям из Курской области и новых субъектов Российской Федерации. Проект СПК реализуется ГБУ «Городской центр профессионального и карьерного развития» – подведомственным учреждением Департамента территориальных органов исполнительной власти города Москвы.

Методика эмпирического исследования включала полустандартизированные интервью с представителями молодежи – постоянно проживающими в Москве студентами 1-4 курсов – активистами СПК (N=50, зима 2024 – весна

2025) из пяти различных вузов с шести факультетов (политологии; связей с общественностью; государственное и муниципальное управление; юриспруденция; инженерный; строительный). Использована пропорциональная выборка по полу и профессиональному статусу (студенты – студенты, являющиеся молодыми специалистами). Главным критерием формирования выборки выступил отбор наиболее активных участников СПК различного возраста, присоединившихся к проекту в разное время и представляющих различные специальности, что обуславливает репрезентативность выборки.

Интервью включали как открытые, так и закрытые вопросы, а также свободную беседу на тему видения студентом своего личного будущего, а также будущего Москвы. В частности, информантам было предложено ответить на вопросы о предполагаемом городе и сфере будущей работы; сформулировать наиболее значимые задачи молодежной политики Москвы; описать своими словами образ Москвы будущего, в том числе на базе своих представлений о положительных и отрицательных чертах города. Автор опирается на компаративный, социологический и метод контент-анализа. Для выявления ключевых тем и особенностей восприятия информантами образа будущего был проведен контент-анализ корпуса текстов – ответов информантов на вопросы интервьюера, токенизация с использованием регулярных выражений, фильтрация стоп-слов и подсчет частотности лексических единиц. Визуализация результатов осуществлена для наиболее частотных лексем, что позволило выделить смысловые доминанты дискурса.

Научно-практическая ценность исследования, как представляется, состоит в том, что оно позволит выделить значимые составляющие образа Москвы настоящего и будущего в представлениях указанной социальной группы, понимание которых может представлять интерес для адаптации молодежной политики города к соответствующему социокультурному запросу.

Отвечая на первый вопрос интервью – о личных планах на будущее, абсолютное большинство информантов выразили желание остаться работать в Москве после завершения обучения (73%), что свидетельствует о высокой уверенности в широких возможностях самореализации в столице. Готовы уехать в другой город в случае получения там «хорошей работы» 15% студентов, и только 2% выразили намерение работать за рубежом (рис. 1). Абсолютное большинство опрошенных связывают свое будущее с Россией и с работой в сфере политики и управления, либо по специальности, по которой проходят обучение: *«Я заинтересовался политикой и в будущем хочу построить карьеру в политической сфере, участвуя в принятии принципиально важных решений в жизни города во всех сферах»* (М., 19 лет, юриспруденция); *«На данный момент в будущем я вижу себя высококвалифицирован-*

ным юристом. Возможно, я углублюсь в сферу интеллектуального права, т.к. люблю искусство, а оно часто соприкасается с этой отраслью права. Либо я вижу себя в роли политического деятеля, который будет решать проблемы населения» (Ж., 19 лет, юриспруденция).

Рисунок 1 – После получения образования Вы планируете жить и работать в Москве, в другом городе России, или за рубежом?¹

Затем мы предложили студентам сформулировать несколько приоритетных, на их взгляд, направлений молодежной политики г. Москвы на будущие годы. Категоризация ответов позволила выявить восемь приоритетов, которые мы делим на два уровня. Наиболее значимыми информанты назвали задачи по содействию участию молодежи в политике и управлении (52%), организацию образовательных проектов, программ по профессиональной ориентации и развитию ключевых навыков, стажировок (45%), а также поддержку собственных инициатив молодежи (40%), добровольческих инициатив и волонтерских проектов (35%). Эти направления мы относим к приоритетам первого уровня (рис. 2).

В целом, эти результаты соотносятся с рассмотренными нами выше тенденциями к ориентации студентов прежде всего на достижение профессионального статуса и получение интересной и высокооплачиваемой работы. В то же время, результаты отражают специфику нашей выборки – студентов, вовлеченных в сферу молодежного парламентаризма. Именно участие моло-

¹ Составлено автором по результатам исследования.

дежи в политике информанты упоминали чаще всего, ссылаясь на то, что в значительной своей части молодежь в отношении этой сферы «инертна»: *«Тем не менее, на сегодняшний день требуется разрабатывать систему мер по развитию культуры участия молодежи в политической системе, так как сегодня весомая часть молодежи, как мне кажется, старается абстрагироваться и дистанцироваться от публичного дискурса, решения важных общественных проблем, что может привести к укоренению негативной тенденции абсентеизма»* (М., 20 лет, юриспруденция).

Рисунок 2 – Какие главные задачи должна решать молодежная политика Москвы?¹

Ко второй категории приоритетности информанты отнесли деятельность органов власти по поддержке молодежного предпринимательства (30%), спорта и здорового образа жизни (20%), организацию досуговых, культурных и развлекательных мероприятий (15%), а также социальную поддержку нуждающейся молодежи (14%). Можно полагать, что вопросы организации досуга студенты относят к области «личного пространства», участие в котором государства возможно лишь эпизодически. Косвенно результаты свидетельствуют о том, что наши информанты скорее связывают свое будущее с работой в государственных структурах, нежели в частном секторе, тем более в качестве предпринимателя.

¹ Составлено автором по результатам исследования.

Наконец, анализ результатов интервью, в ходе которого студентам предлагалось свободно порассуждать о том, какой они видят Москву будущего, позволил заключить, что в нарративах информантов присутствуют пять ведущих линий оценки (рис. 3).

Рисунок 3 - Доминирующие нарративы: «Москва будущего – какая она?»¹

Первая линия оценки тесно связывает будущее города с будущим страны в целом. 85% информантов в своих высказываниях так или иначе связывали развитие Москвы с развитием России в целом, делая акцент на том, что социально-экономические, управленческие и технологические достижения столицы должны распространяться на всю страну и способствовать ее более равномерному развитию:

«Хотелось бы, чтобы в будущем передовые московские разработки в разных сферах дошли и до других регионов России, чтобы фраза 'Москва – не Россия' перестала быть в тренде» (Ж., 22 года, молодой специалист).

«Нужно понимать одну простую вещь, Москва и вся остальная Россия – это как два разных государства. Когда ты находишься в Москве – ты видишь красивую жизнь. Но стоит тебе отъехать на 100 км – и по всем сторонам будет однотипная серость. И особенно это чувствуется на контрасте. Если брать поликлиники в Москве, словно они находятся в Германии по уровню комфорта, транспорт, который выглядит как из будущего, словом, вся жизнь здесь совершенно непохожа на остальную. И, конечно, хотелось бы убрать этот разрыв». (М., 19 лет, политология).

¹ Составлено автором по результатам исследования.

Многие информанты вписывали этот нарратив в более широкий международный контекст:

«Наша страна переживает трудный, переломный период, который покажет, как будет жить наша страна и весь мир ближайшие десятилетия. На данный период большое внимание уделяется на вооружение, восстановление тяжелой промышленности и выход на другой уровень глобального признания и реализации идеи о нахождении компромисса с другими странами. Эти процессы очень важны, однако, помимо проблем и трудностей на внешнеполитической арене, есть и факторы внутри страны, на которые нельзя закрыть глаза: вопрос социально-экономического разрыва между крупными городами и регионами, вопрос производства товаров (медицина, транспорт, технологии), инфраструктуры. Нельзя сказать, что эти проблемы не решаются, однако они нуждаются в решениях» (М., 19 лет, политология).

Некоторые даже проводили прямое сравнение развитие России и других стран, ставя на первый план нематериальный (ценностный) аспект:

«Важно понимать, что мы живем в стране, где, как мне кажется, пропагандируются правильные ценности. Сравнивая нашу систему с западной, можно увидеть как сходства, так и отличия. Я убежден, что необходимо перенимать только лучшее из зарубежного опыта, избегая чужих ошибок. Ведь, как говорится, умный учится на чужих ошибках, но бесценный опыт приходит через собственные выводы и развитие» (М., 19 лет, инженерный).

Вторая линия оценки связана с различными характеристиками Москвы как города, комфортного для жизни. Этот нарратив присутствовал в высказываниях 80% студентов. Обсуждая вопросы удобства для жизни, информанты чаще всего ставили на первое место возможности для личного развития как профессионала, для строительства карьеры.

«Колоссальное количество возможностей реализации себя в Москве, особенно через молодежные проекты, благодаря которым каждый может построить карьеру как в политических институтах города, так и в других сферах, интересны каждому. Благодаря таким проектам я заинтересовался политикой и в будущем хочу построить карьеру в политической сфере, участвуя в принятии принципиально важных решений в жизни города во всех сферах» (М., 19 лет, юриспруденция).

«В Москве я живу уже второй год и понимаю, что это действительно «Лучший город Земли». Столица нашей страны дает много возможностей для самореализации, что очень ценно для молодых людей. Многообразие выставок, мероприятий позволяет всесторонне развиваться и понять, что тебе действительно интересно». (Ж, 19 лет, юриспруденция).

«Колоссальное количество возможностей реализации себя в Москве, особенно через молодежные проекты, благодаря которым каждый может построить карьеру как в политических институтах города, так и в других сферах, интересны каждому. Благодаря таким проектам я заинтересовался политикой и в будущем хочу построить карьеру в политической сфере, участвуя в принятии принципиально важных решений в жизни города во всех сферах». (М., 19 лет, юриспруденция).

На втором месте – инфраструктура, социальная сфера, разнообразие возможностей для досуга:

«Для меня Москва очень комфортный город для проживания, транспорт, инфраструктура, медицина. Москва создает прекрасные условия для развития, возможностей профессионального роста и хорошего уровня образования. Столица постоянно стремится развиваться дальше и больше и это прекрасно получается, подавая пример другим городам, в том числе за границей». (М., 19 лет, политология).

«Еще один бесспорный плюс развития Москвы - инфраструктура. Я много путешествовала, но ни в одной стране и ни в одном городе не было такого транспортного удобства. Все понятно – указатели, информация на остановках, вывески в метро, схемы, часто ходящий транспорт. Не нужно ждать поезда в метро по полчаса». (Ж., 21 год, связи с общественностью).

Несмотря на преобладание положительных оценок, информантами высказывались и различные опасения относительно будущего столицы: главные из них связаны с перегруженностью города, сокращением зеленых насаждений:

«Свое будущее я вижу счастливым и радостным, ведь после переезда в город Москва я заряжаюсь исключительно положительными эмоциями и стремлением к чему-то большему. Благо этот город позволяет воплотить все желания в жизнь. Однако есть опасения, что Москва рано или поздно превратится в город, в котором невозможно жить из-за перегруженности. Вспоминая строящийся ЖК Бадаевский, становится страшно. Неужели в Москве будут использовать каждый клочок земли для извлечения прибыли и каждое красивое место, где приятно просто погулять или насладится архитектурой, застроят вторыми этажами из безжизненных офисов и жилых комплексов». (М., 17 лет, строительный).

Значимой ценностью в контексте нарратива выступает защита государством интересов личности. Образ будущего осмысливается информантами с опорой на сильную государственную власть, которая заботится о гражданах страны:

«Я вижу свое будущее только в России, и всегда так считала, в особенности, в последнее время замечаю, как тяжело живется эмигрантам-релокантам в

абсолютно разных странах мира, ведь только твое государство, только такая сильная страна, как Россия, сможет защитить тебя и твои интересы» (Ж., 22 года, молодой специалист).

«Я надеюсь, что политика по устройству Москвы будет такой же, как и сейчас – направленной на людей» (М., 18 лет, государственное и муниципальное управление).

Третья линия нарративов, очевидно, определяется собственной активной гражданской позицией информантов и связана с рассуждениями о роли гражданина в жизни своего города и страны. В ответах 75% информантов присутствует категория ответственности как готовности принять действенное участие в тех или иных социально-экономических и политических процессах. В данном контексте наши информанты говорили как о ситуации в обществе в целом, так и о себе лично:

«Будущее Москвы я вижу в решительных, ответственных и деятельных людях. Главное в жизни – это уметь выполнять свои обещания и обязанности». (М., 20 лет, строительный).

«Я вижу будущее своей Москвы, своей страны и России таким, в котором мы будем активно решать актуальные проблемы каждого гражданина. К сожалению, часто можно наблюдать, как люди перекладывают ответственность на других. Они говорят, что в их районе, например, в Москве, жизнь сложна из-за действий или бездействия депутатов, из-за недостаточного внимания властей или несправедливости системы. Однако, на мой взгляд, ключ к изменениям – это личная ответственность. Если каждый житель будет стремиться улучшить свое окружение, то в результате изменится не только отдельный район, но и весь город, а затем и страна. Люди будут вдохновляться примерами друг друга, и это создаст цепную реакцию позитивных изменений» (М., 19 лет, инженерный).

Из ответов можно заключить, что ряд информантов фиксируют значительную «социальную апатию» и не готовы мириться с ней:

«На сегодняшний день требуется разрабатывать систему мер по развитию культуры участия молодежи в политической системе, так как сегодня весомая часть молодежи, как мне кажется, старается абстрагироваться и дистанцироваться от публичного дискурса, решения важных общественных проблем, что может привести к укоренению негативной тенденции абсентеизма». (М., 20 лет, юриспруденция).

«Если искать, можно найти возможности, пожалуй, в любой сфере. Другой вопрос в том, почему не каждый по итогу ищет. Вызывает отвращение именно та прослойка недовольных лиц... чья жизнь строится на возмущении».

щении ко всему, однако менять для этого что-то они не хотят». (М., 20 лет, строительный).

«В Москве и в России в целом стоит начинать решение проблем с себя. Вместо того чтобы искать виноватых, лучше задуматься, как можно повлиять на ситуацию самостоятельно, изменить жизнь своих близких и улучшить окружающий мир. Ведь только через личную ответственность и осознанные действия мы можем прийти к светлому будущему» (М., 19 лет, инженерный).

Наконец, четвертая линия нарративов (упомянули 70% информантов) тесно связывает развитие Москвы и России с развитием сферы высоких технологий:

«Я люблю Россию и больше всего на свете хочу развивать ее. Я хочу, чтобы наша страна росла во всех сферах, особенно в электронике. Мы очень много технологий берем из других стран, мы привыкли к тому, что у нас все есть и не хотим развивать сами эту отрасль, как и другие отрасли. Советское время оставило нам большое наследство, но мы его потеряли, мы все продали, лишь бы получать товар из-за границы и продавать у нас по дорожке. Мы потеряли не только технологии, но и людей, которые создают эти технологии. Светлые умы покидают нашу страну, ведь не могут развиваться в ней, а наши технологии продаются. Создают так называемые 'российские' продукты, полностью собранные из заграничных деталей, и как это развивает нас, если мы просто на чужие детали лепим наклейку 'сделано в России'. Я хочу начинать развиваться внутри страны, хочу, чтобы создавались полностью наши технологии. Я не говорю, что плохо пользоваться чужими технологиями, я говорю, что мы из-за этого перестаем развиваться внутри страны. Да, на все нужно время, и пусть не через год, и даже не через два, но через несколько десятилетий мы сможем противостоять великими мастодонтам, и нашей техникой будут пользоваться во всем мире, только этом надо заниматься. Надо провести очень много реформ, чтобы люди начали работать на нашу страну, а не на быстрые деньги». (Ж., 20 лет, инженерный).

В этом контексте информанты также указывали на важность повышения эффективности управления:

«Я бы хотел, чтобы больше усилий вкладывалось в отечественные технологии и строго контролировалось распределение бюджетных средств. Мне очень нравится, как эффективна наша банковская система например, а есть сферы, в которых потенциально мы могли бы достичь большого роста, но в силу некоторых обстоятельств и недостатка контроля прогресс стагнирует». (М., 20 лет, строительный).

Частотный анализ материалов интервью позволил выявить смысловые доминанты дискурса, прежде всего «развитие», «Россия», «технологии», «ре-

гионы», «ответственность», «потенциал». Частотность лексем фиксирует основные направления рефлексии информантов, их нацеленность на концептуализацию проблем, стоящих перед городом и страной. Абсолютным лидером по числу упоминаний стало «развитие», которое часто употребляется вместе с лексемами «будущее» и «потенциал»: этот лейтмотив звучит у информантов прежде всего в контексте того, что Россия имеет значительные возможности для развития, которые, однако, часто реализуются неэффективно.

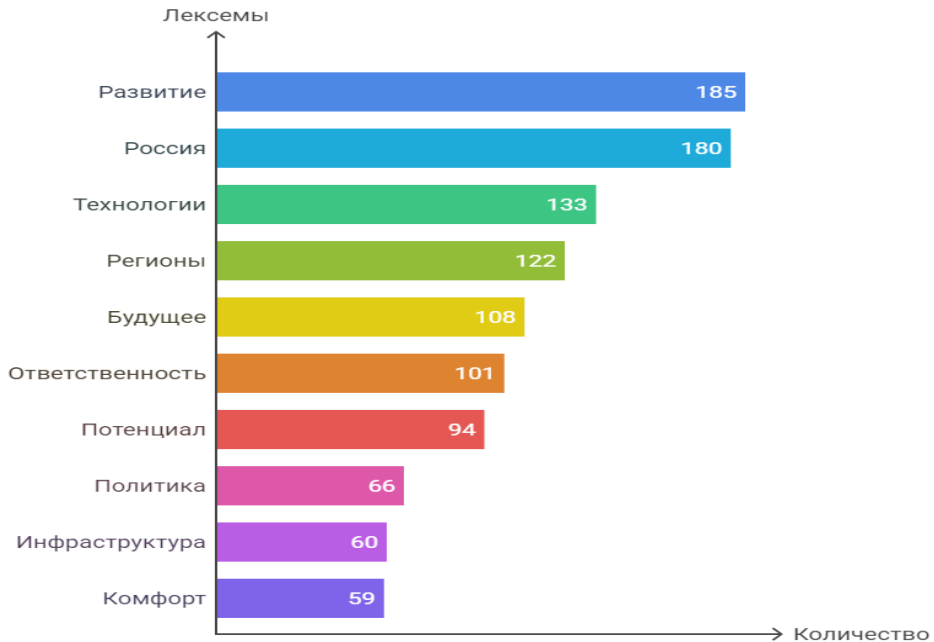

Рисунок 4 – Результаты частотного анализа ответов на вопрос об образе будущего Москвы

Примечательно, что студенты младших курсов (1-2 курс) на 37% чаще используют лексику, связанную с личными амбициями («карьера», «самореализация», «проекты»), тогда как старшекурсники (3-4 курс) в 53% случаев оперируют понятиями системного уровня («промышленность», «демография», «бюджет»). Это может свидетельствовать об эволюции восприятия социально-экономических процессов в процессе обучения.

В отличие от исследований установок молодежи России, которые фиксируют в качестве одного из главных нарративов «отсутствие будущего», личный опыт разрушения и утраты надежд, драматического переживания событий (Нартова, 2023, с. 99), ни один из наших информантов не выразил таких

настроений – более того, в ряде ответов прозвучало осуждение подобной жизненной позиции (*«Вызывает отвращение именно та прослойка недовольных лиц... чья жизнь строится на возмущении ко всему, однако менять для этого что-то они не хотят»*. М., 20 лет, строительный) и, в целом, «безответственного» и апатичного отношения к жизни. В оценках студентов не содержалось лексем, которые бы указывали на невозможность изменений – напротив, преобладали такие термины как «развитие», «будущее» и «потенциал». Ни один из наших информантов не говорил об отсутствии перспектив или невозможности изменений, а многие студенты приступили к рассуждению о конкретных путях достижения желаемого образа будущего.

Выводы нашего исследования подтверждают тезис Е. Шестопал и коллег о том, что для молодежи Москвы характерны более позитивные оценки российской культуры, включенности в мировое сообщество (Шестопал, Смутькина, Морозикова, 2019). Также наши выводы во многом перекликаются с результатами исследования образа идеальной России в сознании студенческой молодежи (Будко, Лукьянова 2019). Наши информанты нарисовали образ сильной страны (а также процветающего города), однако не возлагали все ожидания на государство, а особо подчеркнули важность чувства личной ответственности гражданина за развитие города и страны. Нужно сказать, что проблематика ответственности применительно к развитию России и ее городов поднимается некоторыми отечественными авторами, даже сформулировано понятие «политики ответственного городского развития», которая предусматривает, например, «формирование культуры ответственности за происходящее в городе и культуры участия в городских делах путем развития волонтерского движения, экологических организаций и защиты архитектурного наследия, сохранения исторических памятников и традиций города; реализации образовательных проектов, способствующих лучшему пониманию жителями городских процессов, культуре диалога и сотворчества» (Бардин, Пантин 2024, с. 116). Таким образом, представляется важным учесть запрос студенческой молодежи на ответственное развитие в будущих проектах развития Москвы. Из результатов нашего исследования можно также сделать вывод о высоком уровне гражданской культуры опрошенных студентов; тем самым, подтвердилась исследовательская гипотеза о том, что активная общественная позиция информантов выступает для них драйвером личного участия в развитии города и принятия личной ответственности в этом процессе. Гражданскую культуру как разновидность социального капитала выделял, например, Леонид Полищук, который определял ее как «наличие у людей чувства сопричастности к общественным делам и личной от-

ветственности за положение дел в обществе» и обосновывал ее положительный вклад для развития городов¹.

В контексте личного развития, на первом месте для информантов оказались возможности для карьеры и профессионального развития, которые предоставляет им столица, на втором – социальная сфера и инфраструктура. Примечательно, что для абсолютного большинства информантов оказались принципиально важными более равномерное развитие страны в целом, ликвидация чрезмерного разрыва в уровне жизни и качестве инфраструктуры между Москвой и другими городами, а также вопросы развития Россией собственной мощной сферы высоких технологий и экологии. В этой связи полагаем перспективными направлениями развития молодежной политики Москвы, во-первых, расширение круга организационных инструментов, которые позволяют принять участие в развитии не только столицы, но и других городов – например, в формате выезда групп активистов молодежных движений в другие регионы для участия в «мозговых штурмах», волонтерских проектах, идеатонах. Учитывая запрос студентов на поддержку различных собственных инициатив молодежи со стороны города, уместно рассмотреть возможность учреждения новых грантов или премий, которые бы присуждались лучшим инициативным проектам – например, в той же экологической сфере – для их апробации на практике. Например, в рамках уже действующего московского городского конкурса «Грани развития», который реализуется Департаментом территориальных органов исполнительной власти города Москвы и Университетом Правительства Москвы.

Во-вторых, расширение технологической инфраструктуры города, доступной для использования молодежью: в советское время это были прежде всего различные кружки, например авиамоделистов, сегодня это детские и юношеские технопарки и лаборатории. Важно, чтобы студенты, заинтересованные, например, в робототехнике, имели возможность работать в таких лабораториях под руководством опытных наставников, пробовать свои силы в практических проектах. Доступность такой инфраструктуры совместного пользования, на базе которой возможно накопление личного опыта создания технического устройства путем проб и ошибок – крайне важный фактор реализации студентами своей заинтересованности в технологическом развитии России.

В-третьих, опрошенные нами студенты посчитали важным, чтобы город предоставлял молодежи более широкие возможности для участия в политике, а также различные программы в области образования, профессиональной ориентации, приобретения навыков для работы в конкретной отрасли. Правительством Москвы уже реализуется ряд проектов в сфере молодежного парламента-

¹ «Бондинг» и «бриджинг» социального капитала. НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/science/27404804.html>.

ризма, такие как «Молодежный парламент», СПК, «Школа дебатов» и «Школа ораторов», образовательный проект «Мастерская знаний», действует система стажировок, менторских сессий с экспертами. Возможным направлением дальнейшей адаптации молодежной политики к запросам студентом полагаем формирование совместных проектов Москвы с другими городами России, в рамках которых было бы возможно приобретение студентами практического опыта политики «на местах», навыков работы в региональных политических командах.

Рассуждая о Москве будущего, большинство информантов положительно оценили вектор развития столицы, однако выразили опасение чрезмерной перегруженностью города и темпами его коммерциализации. Этот аспект созвучен выводам исследования (Лисовская, Андреева, Соловьева, 2025) о том, что для молодежи важно наличие в городе «бесплатных» пространств, где можно собраться, не оказавшись под ударом критики или финансового давления (отсюда популярность торговых центров). Представляется, что учет этого запроса в политике города может выражаться в избегании чрезмерного контроля над рядом общественных пространств: например, если определенная локация становится излюбленным местом сбора молодежи, по возможности желательно сохранить ее в этом качестве, соблюдая разумный баланс между обеспечением безопасности и правом молодежи на «присвоение» такого пространства. Яркий пример такой практики из сферы урбанистики – сохранение так называемых «козьих троп» – тропинок, которые протоптаны самими жителями как наиболее удобные пути. Безусловно, это возможно далеко не всегда, тем более в столице, однако без хотя бы точечной легитимации таких пространств город рискует перестать быть «живым» и превратиться в музей, где «руками ничего трогать нельзя».

Исследование научного дискурса и эмпирическое исследование позволяют заключить, что для адаптации молодежной политики Москвы с целью повышения ее эффективности важно скорректировать взаимодействие Правительства Москвы с добровольческими и волонтерскими общественными организациями – провести более детальный анализ их деятельности и выработать новые схемы их работы. Важно, с одной стороны, минимизировать вмешательство государства в их подходы, а с другой, адаптировать подход государства к работе с этими организациями к их специфике. Это позволит намного результативнее раскрыть их потенциал и, учитывая популярность таких организаций среди молодежи, расширить возможности ее вовлечения в общественную жизнь города и страны.

Подчеркнем, что при коммуникации с молодежью поколения Z важно избегать расплывчатых или общих формулировок, а также «указаний сверху», учитывая ее запрос на честный разговор, рациональность убеждения, полноту и достоверность информации, совместную выработку решений. Эти принципы,

наряду с обозначенными нами в самом начале такими принципами как гибкость, адаптивность, системность и последовательность, а также крайне значимым для самой молодежи принципом ответственности, как представляется, и должны лежать в основе современной молодежной политики.

Литература

Augsberger, A., Collins, M.E., & Howard, R.C. (2024). The global context of youth engagement: A scoping review of youth councils in municipal government. *Children and Youth Services Review*, 156(C). <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107349>.

Bessant, J. (2021). *Making-Up People: Youth, Truth and Politics*. London: Routledge.

Howe, N., & Strauss, W. (2007). The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review*, 85(7-8), 47-52.

Inglehart, R. (1997). *Postmodernity: Changing Values and Changing Societies*. *Polis. Political Studies*, 4, 6.

Parsons, T. (1998). *The system of modern societies*. M.S. Kovaleva (ed.). Moscow: Aspect-Press.

Pickard, S. (2022). Young environmental activists and Do-It-Ourselfs (DIO) politics: collective engagement, generational agency, efficacy, belonging and hope. *Journal of Youth Studies*, 25(6), 730-750. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2046258>.

Sloam, J., & Henn, M. (2025). How young people can shape environmental policy in urban spaces. *Policy and Politics*, 53(1), 65-86. <https://doi.org/10.1332/03055736Y2024D000000039>.

Антонова, Н. Л., Абрамова, С. Б., Полякова, В. В. (2020). Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 443-462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>.

Бардин, А. Л., Пантин, В. И. (2024). Политика ответственного городского развития: критерии, субъекты, перспективы. *Полис. Политические исследования*, 5, 102-120. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.07>.

Баронина, А. А., Зуляр, Р. Ю. (2019). Реализация государственной молодежной политики на современном этапе в странах Европы. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 30, 40-53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40>.

Будко, Д. А., Лукьянова, Г. В. (2019). Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 21(2), 184-194. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194>.

Великая, Н. М., Ирсетская, Е. А. (2024). Идеологические основания конструирования образа будущего в сознании современной студенческой молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 24(2), 414-429. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-414-429>.

Ганьшина, Е. Ю. (2022). Какие методы работы с организационными изменениями поколение Z считает наиболее эффективными: взгляд на перспективу. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 263-281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1928>.

Гуреева, А. Н., Аникина, М. Е., Муронец, О. В., Самородова, Э. В. (2021). К вопросу об общественнополитических ценностях российской молодежи: медиацентрич-

ный подход. Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 5, 51-73. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.5173>

Зеленин, А. А. (2012). Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике. Вестник Кемеровского государственного университета, 2(50), 85-90.

Лисовская, И. В., Андреева, А. С., Соловьева, Н. С. (2025). «Наша задача – привлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах Северо-Запада России. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1, 83-106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>.

Лиханова, Т. Ю. (2024). Жизненные ориентиры и ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (по результатам социологического опроса). Социально-политические науки, 14(6), 39-45. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-6-39-45>.

Мартынова, Т. Н., Яницкий, М. С., Зеленин, А. А., Пфетцер, С. А. (2019). Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи. Профессиональное образование в России и за рубежом, 1(33), 160-167.

Нартова, Н. А. (2023). Индивидуальное и поколенческое будущее в нарративах петербургской молодежи. Социологические исследования, 7, 93-104. <https://doi.org/10.31857/S013216250024233-9>.

Парсонс, Т. (1998). Система современных обществ. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс.

Рогочая, Г. П. (2024). Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений. Социально-политические исследования, 1(22), 21-37. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-21>.

Самаркина, И. В., Колозов, Д. П. (2023). Дискурс консолидации российского общества и политические ценности молодежи. Южно-российский журнал социальных наук, 24(1), 78-94. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-94>.

Самаркина, И. В., Мирошниченко, И. В., Мальцев, С. С. (2022). Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 24(4), 856-882. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>.

Селезнева, А. В. (2020). Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал. Общество. Коммуникация. Образование, 11(3), 20-32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>

Селезнева, А. В., Антонов, Д. Е. (2020). Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 58, 227-241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>.

Токарев, А. А. (2024). Массовое сознание российской молодежи: образ будущего. Полис. Политические исследования, 6, 154-169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>.

Устинкин, С. В., Никитина, А. В. (2024). Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект). Нижний Новгород: НГЛУ. 374 с.

Хайнацкая, Т. И. (2023). Экологическая идентичность. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Под ред. И. С. Семененко. М.: «Весь мир». С. 338-349.

Шестопад, Е. Б., Смутькина, Н. В., Морозикова, И. В. (2019). Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов. Сравнительная политика, 3, 74-94. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031>.

Якобсон, Л. И., Иванова, Н. В. (2025). Понимать, чтобы взаимодействовать: специфика НКО и политика межсекторного сотрудничества. Полис. Политические исследования, 1, 88-100. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.07>.

Яницкий, М. С., Серый, А. В., Браун, О. А. (2019). Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты. Сибирский психологический журнал, 72, 46-67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>.

References

Augsberger, A., Collins, M. E., & Howard, R. C. (2024). The global context of youth engagement: A scoping review of youth councils in municipal government. *Children and Youth Services Review*, 156(C), 107349. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107349>.

Bessant, J. (2021). *Making-up people: Youth, truth and politics*. Routledge.

Howe, N., & Strauss, W. (2007). The next 20 years: How customer and workforce attitudes will evolve. *Harvard Business Review*, 85(7-8), 47-52.

Inglehart, R. (1997). Postmodernity: Changing values and changing societies. *Polis. Political Studies*, 4, 6. (In Russ).

Parsons, T. (1998). *The system of modern societies* (M. S. Kovaleva, Ed.). Aspect-Press. (In Russ).

Pickard, S. (2022). Young environmental activists and Do-It-Ourselves (DIO) politics: Collective engagement, generational agency, efficacy, belonging and hope. *Journal of Youth Studies*, 25(6), 730-750. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2046258>.

Sloam, J., & Henn, M. (2025). How young people can shape environmental policy in urban spaces. *Policy and Politics*, 53(1), 65-86. <https://doi.org/10.1332/03055736Y2024D000000039>.

Antonova, N. L., Abramova, S. B., & Polyakova, V. V. (2020). Pravo na gorod: povsednevnye praktiki molodezhi i partnersipatsiya v proizvodstve gorodskogo prostranstva [Right to the city: Everyday practices of youth and participation in urban space production]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 3, 443-462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597> (In Russ)

Bardin, A. L., & Pantin, V. I. (2024). Politika otvetstvennogo gorodskogo razvitiya: kriterii, sub"ekty, perspektivy [Policy of responsible urban development: Criteria, actors, prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 102-120. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.07> (In Russ).

Baronina, A. A., & Zulyar, R. Yu. (2019). Realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki na sovremennom etape v stranakh Evropy [Implementation of state youth policy at the present stage in European countries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 30, 40-53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40> (In Russ).

Budko, D. A., & Lukyanova, G. V. (2019). Obraz ideal'noy Rossii v soznanii studentcheskoy molodezhi [The image of ideal Russia in the minds of student youth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 21(2), 184-194. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194> (In Russ).

Ganshina, E. Yu. (2022). Kakie metody raboty s organizatsionnymi izmeneniyami pokolenie Z schitaet naibolee effektivnymi: vzglyad na perspektivu [What methods of working with organizational changes generation Z considers most effective: A perspective

view]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 263-281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1928> (In Russ)

Lisovskaya, I. V., Andreeva, A. S., & Solovyeva, N. S. (2025). "Nasha zadacha - zavlech' kak mozhno bol'she molodezhi prosto dlya togo, chtoby zanyat' ee vremya": modeli razvitiya nish agentnosti sub"ektov molodezhnoy politiki v regionakh Severo-Zapada Rossii ["Our task is to attract as many young people as possible just to occupy their time": Models of agency niche development for youth policy actors in Northwestern Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 83-106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532> (In Russ)

Samarkina, I. V., & Kolozov, D. P. (2023). Diskurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva i politicheskie tsennosti molodezhi [Discourse of Russian society consolidation and political values of youth]. **Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 24*(1), 78-94. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-94> (In Russ)

Shestopal, E. B., Smulkina, N. V., & Morozikova, I. V. (2019). Sravnitel'nyy analiz obrazov svooy strany u zhiteley rossiyskikh regionov [Comparative analysis of images of their country among residents of Russian regions]. *Sravnitel'naya politika*, 3, 74-94. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031> (In Russ)

Yanitsky, M. S., Sery, A. V., & Braun, O. A. (2019). Sistema tsennostnykh orientatsiy "pokoleniya Z": sotsial'nye, kul'turnye i demograficheskie determinanty [Value orientation system of "Generation Z": Social, cultural and demographic determinants]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 72, 46-67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3> (In Russ)